

24 марта Ивану Семеновичу Козловскому исполнилось бы 95 лет...

Вет. Москва, - 1995. - 24 марта. - с. 7.

Иван Семенович Козловский!!! Стоит ли говорить о нем, как о певце? Пожалуй, его уникально длительный путь, грандиозный успех до конца жизни сам по себе свидетельствует о неповторимом таланте.

Конечно, возвышающаяся над толпой личность всегда выходит из рамок привычных норм. Иван Семенович любил покапризничать или придумать иногда совсем детские шалости. И то, что другому было бы поставлено в укор, ему не то чтобы прощалось, а, наоборот, вызывало восхищение. Никогда нельзя было угадать, что он может еще «выкинуть». Но обаяние лилось рекой и завораживало окружающих.

Признаюсь, иногда мне приходилось его осаживать. Как ребенок, он обижался и затихал. Но потом жаловался моей дочери: «Скажи, пожалуйста, почему у твоей мамы такой плохой характер?». За этим следовали поцелуи, объятия. Мир восстанавливался, и дружба укреплялась.

В артистическом мире очень распространено пристрастие к приметам. Не остался равнодушным к этому и Иван Семенович: не выносил, если кто-нибудь переходил ему дорогу, особенно когда он шел на сцену. На пороге перед выходом обязательно выбрасывал монетку. Проводя кого-нибудь, кидал монетку под колеса.

Конечно, я спросила его, зачем он это делает? Ответ последовал очень точный: «Если хочешь взять, надо отдать».

Приметы сыпались, как из рога изобилия. Нельзя свистеть: высвистывается успех. Нельзя встретиться с пустым ведром, и т. д. и т. п. Поэтому все уборщицы прятали свои «агрегаты» и глядели влюбленными глазами на свое божество.

Общеизвестно, что Козловский обязательно должен был выйти из тех же дверей, в которые он вошел. Как-то после выступления Иван Семенович задержался дольше, чем всегда. Комендатура запечатала все двери, включая ложу дирекции, оставив открытой так называемую дежурную дверь. Узнав об этом, Иван Семенович послал разыскивать дежурного по комендатуре. А комендатура в Большом театре не подчиняется дирекции. Ему доказывали, что надо составлять протокол, обращаться к высокопоставленному начальству, а уже поздно. Но Иван Семенович был непоколебим. В результате печать была снята, дверь открыли, все были в полном изнеможении. А он, поблагодарив за хлопоты, сверкнул своей неповторимой улыбкой, и уехал. Дежурный, которому больше всего пришлось хлопот, сказал: «Таких артистов мало, можно и покуражиться!».

Казалось, что этот замечательный художник, погруженный в свою прекрасную профессию, хотел иногда стряхнуть тяжесть славы и превратиться в ребенка, которому надо было обязательно что-то выкинуть.

Судьба свела нас на торжествах по случаю открытия канала Волга—Дон. Станица, где шли концерты на открытом воздухе, не могла, естественно, вместить громадное количество приехавших гостей. Московскую группу поместили в маленьком домике. В одной из комнат посели-

Большой ребенок

лись Козловский, Рейзен и Лисициан. Когда пришло время укладываться спать, послышался какой-то грохот, сопровождающийся смехом, который покрывался мощным басом Рейзена. Все обитатели домика поспешили прибежать и увидели, что громадная фигура Рейзена погребена под рухнувшей хилой кроватью: ножки у нее были скособочены. Марк Осипович, конечно, набросился на Ивана Семеновича, тем более, что его хитрая улыбка не оставляла сомнений в сопричастности к этому происшествию. Присутствующие хохотали до слез. В конце концов вытасканный из запутавшихся простынь и подушек Марк Осипович смилостивился, и мир был восстановлен.

Иногда Козловский придумывал что-то, видимо, желая подразнить и испытывая терпение окружающих.

По случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией Большой театр приехал на гастроли в Киев, а Киевская опера — в Москву. Естественно, весь город был взбудоражен. Особенно хлопотали пресса и кинохроника. Снимали нас всюду, где могли. Наконец, условились поехать за город, как бы на прогулку. Все было организовано, машины поданы, и вдруг Иван Семенович заявляет, что ему надо заехать за тетей, которую он по-украински называл «тітка».

Наша группа, не дождавшись его, уехала за город, благо, была замечательная погода, а Иван Семенович часа через полтора приехал с «тіткой», которая, кстати, оказалась удивительно милой женщиной.

Видимо, он ожидал, что на него набросятся, но все, как сговорились, ни слова о его опоздании не сказали и говорили только о прекрасной погоде и изумительной природе. Иван Семенович явно не ожидал такой реакции и даже, по-моему, обиделся, что никто не заметил его опоздания.

Почти каждый вечер после концертов Иван Семенович уезжал к своей милой «тітке», где собирались родственники.

Так уж завелось, что вечером все мои соседи по гостинице собирались у меня в номере попить чайку и немножко отдохнуть. И вот открывается дверь и появляется Иван Семенович, держа в руках завязанный узлом ситцевый платочек, где были украинские коржики с маком.

«Это вам от тітки. Уж не знаю, чем вы ее пленили, но она настоятельно требует, чтобы я на вас женился. Пришлось доказывать, что вы замужем и разводиться совершенно не собираетесь. Тетка вздохнула и сказала: «Ну, тогда хоть коржики ей отвези».

Киевские поклонницы, вечно ожидавшие Ивана Семеновича, были удивлены, наблюдая, как этот элегантный, обаятельный красавец выходил из машины с неизменным ситцевым узелком. Вспоминая коржики, «тітку», как внимательно относился Иван Семенович к ней, исполняя ее поручение, уютный ситцевый узелок, меня охватывают нежные чувства.

А между тем я довольно часто на него «огрызалась». А иногда включалась в игру и тоже старалась его «разыграть». Один случай меня даже напугал.

В Кремле шел торжественный прием, сопровождающийся концертом. Среди участников был Иван Семенович. Должна была выступить и я. В комнате, где собрались артисты, было много народа. Иван Семенович, безупречно одетый, как всегда, особенно элегантный, сосредоточенно просматривал ноты. И вдруг непонятно как уронил их на пол.

«Это дурная примета?» — спросил он меня. Я решила подшутить и сказала: «Сядьте на ноты и, сидя на них, прокрутите три раза».

К моему ужасу, Иван Семенович садится на ноты и при всех регалиях прокрутился три раза. Как я его ни уговаривала, что пошутила, ничего не действовало. Встав, он пошел на сцену, как всегда, имел громадный успех и пришел в чудном настроении.

— Ну, вот видите, мне помог ваш совет.

Я же была буквально в поту.

При имени «Козловский» передо мной возникает образ неповторимого артиста и прекрасного человека. Недаром его так любили! Любящий людей, традиции, он посещал все праздники, связанные с его друзьями. Последнее время ему бывало трудно выходить на сцену. Я не ждала его приглашения, а просто подходила к нему и говорила: «Пойдемте». И он дружески опирался на мою руку.

Наталья ШПИЛЕР
Фото Александра НАТРУСКИНА

24.3.95.

Козловский Иван Семенович